

Между моими портами находятся... не уверен, есть ли у них название в каноне, поэтому буду называть их каналами. Именно там обычно находится большая часть моей чакры, не двигаясь, пока я не использую тенкецу, чтобы придать ей нужную форму. Это было невероятно заманчиво для меня, но я, к сожалению, воздержался. С моим новым уровнем понимания, пропущенным через призму имеющихся знаний по физике применительно к жидкостям, я мог понять, почему доктор не хотел, чтобы я возился с этим. Вроде того.

Я не уверен, что у чакры есть масса (вроде бы должна быть, но я не очень понимаю, что за мистическая хрень тут происходит), но я точно знаю, что она может взаимодействовать с физическим миром. Если бы это было не так, то Расенган Наруто наносил бы меньше урона, чем дым. Я полагаю, что мои каналы, как и все остальное тело, тонкие и слабые. Они полагаются на подсознательные ограничители и боль, чтобы не повредить их случайно.

Это похоже на обычные мышцы человека. Даже в зрелом возрасте человеческие мышцы могут создавать большую силу - больше, чем могут выдержать кости и суставы вокруг них. Поэтому мозг устанавливает подсознательные ограничители, чтобы не дать им выйти за рамки, если только адреналин не подскажет мозгу, что ситуация требует такой крайности. В детстве эта ситуация гораздо хуже. Мои мышцы меньше, да, но мои кости намного слабее. Если бы я захотел, а я этого явно не хочу, я мог бы с легкостью сломать себе руку - я могу сказать это, потому что даже самые обычные движения, если их делать достаточно сильно, могут вызвать немалую боль.

То же самое с моими каналами. С возрастом они будут становиться все шире и прочнее, восстанавливаясь до тех пор, пока не смогут выдерживать грубые движения чакры, не разрываясь. Пока же я не хочу рисковать серьезными травмами, поэтому буду сопротивляться этому постоянному желанию.

Пока что недостатка в отвлекающих факторах нет. Тенкецу и каналы довольно просты, но эти две вещи составляют лишь тело реки, по которой текла моя чакра. Были и притоки, почти несметное количество. Половина из них вливалась струйки чакры, половина выводила их наружу.

Я смутно помнил, что физическая энергия, ян-чакра, сливается с духовной иньской энергией, образуя чакру-чакру, поэтому я представил, что именно такой была чакра, поступающая в мои каналы. Конечно же, моя подводная лодка заглохла, как только я попытался плыть по ней против течения.

Единственные известные мне люди в каноне, способные манипулировать чистой янской или иньской чакрой, были божествами, так что я даже не стал пытаться. Я не мог предположить, откуда взялся компонент Инь, но его было достаточно, чтобы полностью смешаться со всеми потоками Ян.

Зайдя в тупик, я отказался от поисков источников иньской чакры, поскольку до таких открытий, скорее всего, было еще далеко. Меня гораздо больше интересовали другие притоки - те, по которым чакра покидала каналы. Куда все это девалось?

Как только мне наконец удастся создать достаточно маленькую подводную лодку, я это выясню.

--- { □□□□ } ---

Отцовство оказалось совсем не таким, как представлял себе Кадзухиро, и не таким, как он боялся. Он смирился с тем, что не сможет полноценно спать весь месяц или даже больше, и ожидал, что его дом наполнится какофонией плача и истерик.

На следующее утро после того, как он впервые забрал Касайки домой, он проснулся от солнечного света, пробивающегося сквозь жалюзи. Она не разбудила его ни разу. Не разбудила она его и на вторую ночь, и на третью, и на четвертую, и вообще никогда.

Кадзухиро был чунином, активно участвующим в войне. Он не любил отдыхать, и малейший шум приводил его в боевую готовность. Касайки не давала ему даже этого. Она и не пыталась.

Это было крайне ненормально. Младенцев такого возраста полагалось кормить каждые три часа, плюс-минус, но она ни разу не разбудила его с одиннадцати вечера до восьми утра. Это было всего шесть кормлений, и к утру она явно проголодалась.

Если она не собиралась его будить, он заводил будильник на четыре утра и начинал кормить ее в это время. В первый раз, когда он это сделал, она издала звук, как будто удивилась. А еще она с необычайной миловидностью протянула руку и положила ее на кончик его носа, когда он наклонился.

Еще одной странностью в девочке было то, что она вела малоподвижный образ жизни. В брошюрах утверждалось, что младенцы постоянно двигаются, инстинктивно пытаются нарастить мускулы, но Касайки была настолько неподвижна, что Кадзухиро нередко начинал опасаться, что она скончалась. Он рассказал об этом врачу во время трехдневного осмотра, и тот счел это странным, но не опасным.

Все изменилось к концу первого месяца их совместной жизни. Касайки молчала и продолжала придерживаться, казалось бы, жесткого распорядка дня, но стала много двигаться. Ночью - никогда, а днем Кадзухиро готов поклясться, что видел, как она делала подтягивания и другие силовые упражнения. Она могла поддерживать голову в течение очень коротких промежутков времени еще до того, как он взял ее в дом - это было редкостью, но не редкостью для месячного ребенка - но вскоре шатания не стало, и она больше не уставала до такой степени, что откидывалась на подушку, что всегда пугало его.

Теперь, когда она была активна, количество потребляемой ею молочной смеси резко возросло. Он купил новое изобретение - холодильник, хотя и не знал, что его нужно подключать к электрической сети. Это было непросто, но в конце концов он справился. Все это обошлось в смешную сумму, больше, чем сам дом, но это лишь немного уменьшило его общие сбережения.

Зато с новым холодильником он смог массово готовить детскую смесь и обнаружил, что она пригодится ему не только для этого. Кормить себя тоже стало намного проще.

Месяц закончился, и он с удивительным сожалением договорился с Аканэ-обасаном. Касайки-тян останется с ней на время его отсутствия.

Он отправился в больницу, где его встретил первый врач, тот самый, который выписывал свидетельство о рождении Касайки.

"Я здесь для того, чтобы получить справку о моем отравлении чакрой", - официально заявил Кадзухиро.

Доктор некоторое время внимательно рассматривал его. Затем: "Запрос отклонен".

Кадзухиро отшатнулся. "Что? Что вы имеете в виду?"

"Я имею в виду, что вы не полностью восстановились, и я не признаю вас годным для возвращения на действительную службу".

"Сэнсэй", - возразил он, совершенно сбитый с толку. "Касайки-тян в надежных руках. Она будет в порядке, если меня не будет".

"Дело не в вашем обвинении", - солгал доктор. "Речь идет о вас и вашей травме. Ваше состояние серьезно, и вы легко можете умереть без вмешательства врага, если используете свою чакру".

Кадзухиро почти устно напомнил доктору, что он поставил ему диагноз только для того, чтобы тот мог позаботиться о Касаики, но вокруг были люди, и не было шансов, что доктор забыл об этом. Что-то еще было не так.

"Война все еще идет", - сказал он вместо этого. "Я нужен Айве".

Доктор вздохнул, подперев подбородок рукой и спрятав рот от читающих по губам.

"Ты не нужен Ива для того, что должно произойти", - сказал он негромко, пока Кадзухиро пытался его расслышать. "Скоро наши силы будут направлены в единое наступление, и, поскольку количество отдельных фронтов уменьшится, им не понадобится столько курьеров".

"Значит, они могут перевести меня на другую должность", - запротестовал он.

"Нет", - твердо сказал доктор. "Сейчас ты не нужен Айве на поле боя. Вы нужны им здесь". Он

опустил руку. "Мое слово окончательно. А теперь прошу меня извинить, у меня есть пациенты, которых нужно обслужить".

Он вихрем умчался прочь, оставив Кадзухиро в недоумении. Несколько фронтов объединились в одно массивное наступление? Почему? И почему доктор хотел, чтобы он не вмешивался?

Он чувствовал, что должно произойти нечто грандиозное. И, похоже, он окажется в стороне, пока все это будет происходить, к лучшему или к худшему.

--- { } ---

<http://tl.rulate.ru/book/103119/3592253>